

После того как отец оставил его одного, сердце Хэ Лана заколотилось.

Он низко опустил голову, глядя только на кончики своих ботинок, не смея поднять глаза, чтобы посмотреть на отца-императора.

«Какое отношение это дело имеет к тебе, объясни мне честно и быстро», - Хэ Чжао вздохнул.

Его собственный сын был слишком прост, а по его виду вора проницательный человек смог бы понять, что дело нечисто.

Хотя Хэ Лан с детства немного побаивался встречи с отцом, он знал, что тот любит его так же сильно, как и папа. Даже если бы он попал в беду, то при условии, что он честно признался бы в этом, отец был бы благоразумен.

Хэ Ланг не стал больше колебаться и объяснил тихим голосом: «Хэлянь Синь рассказала мне кое-какие слухи о папе, и пригрозила, что разнесет их по округе, если я не помогу».

Хэ Чжао посерьезнел и спросил: «Какие слухи?»

Хэ Лан опустил голову и сказал: «Она сказала, что папа раньше уже был женат, и что я - не единственный его ребенок. Также она сказала, что у отца в прошлом тоже был фаворит, он был беременный, но странным образом умер».

«Глупости!»

Хэ Чжао редко впадал в ярость, но сейчас он хлопнул по столу так сильно, что напугал Хэ Лана у которого ослабли колени, и он упал на пол.

Хэ Чжао указал на Хэ Лана, глубоко вздохнул и с трудом подавил свой гнев: «Ты действительно веришь в такую чушь?»

Голова Хэ Лана замоталась, превратившись в погремушку, и он поспешно объяснил: «Нет! Я никогда не верил в ее нелепые слова, но я просто боялся, что она поднимет шум. Отец, уйми свой гнев!»

«К тому же позже я узнал, что положение Хэлянь Синь действительно сложное, и подумал, что она просто присматривается к некоторым стражникам, что не слишком хлопотно», - Хэ Лан поднял голову, вглядываясь в лицо отца: «Еще я услышал, что Бэй Чжуо хотят выдать ее за меня замуж, а я действительно не хочу жениться, и презираю такое их намерение и я.....».

Хэ Лан не чувствовал, что сделал что-то плохое.

Хэ Чжао указал: «Ты все еще думаешь, что поступил правильно, не так ли?»

Хэ Лан почтительно склонил голову: «Я не смею».

«Тогда знаешь ли ты, что сделал не так?»,- сразу же спросил Хэ Чжао.

Хэ Лан открыл рот и засомневался: «Я... Я....».

«Ты ошибся в том, что настолько глуп, что лично ввязался в такое пустяковое дело»,- Хэ Чжао сказал: «Ты - наследный принц Великой Даянь, и каждый твой шаг представляет нашу страну. Всего-то и нужно было, что тайно приказать несколько слов, а ты раздул из мухи слона, привел огромную группу людей в хаос, чем воспользовались люди Бэй Чжуо и поставили условия, чтобы принудить нас».

Хэ Лан поднял голову, ошарашено слушая лекцию отца.

Хэ Чжао с ненавистью посмотрел на своего сына, продолжая: «И ты действительно напуган этими необоснованными угрозами, просто не имеешь и половины решимости».

«Сегодня, если бы ты сидел на моем месте, когда потеряли принцессу из другой страны, посланники заставили бы тебя освободить их от ежегодной дани. Что тогда бы ты делал?»,- спросил Хэ Чжао.

«Я.....»

Хэ Лан был поражен таким неожиданным вопросом и растерялся, не придумав подходящего решения.

Хэ Чжао подпер лоб рукой и махнул: «Все, возвращайся к себе, ты под домашним арестом на полмесяца. Подумай на этом, не выходи на улицу и не выставляй себя снова дураком».

«Да.»

Хэ Лан упал, как баклажан, побитый морозом, и завял.

После ухода Хэ Лана, Хэ Чжао не мог не погрузиться в размышления.

Неужели они с Цяо Си слишком хорошо оберегали этого ребенка, из-за чего он был достаточно умен, но при этом слишком наивен и прост, что не позволяло ему задуматься о пороках человеческой природы.

Отец приказал бедному Хэ Лану размышлять за закрытыми дверями, и как только он вернулся в свои покои, евнух Янь Цин привел кого-то, чтобы запереть дверь.

Цяо Си все еще не очень хорошо понимал суть дела, но не стал оспаривать решение Хэ Чжао в этом вопросе воспитания сына и не стал поспешно преграждать путь, а просто лично принес блюдо с выпечкой, чтобы Хэ Лан не голодал ночью.

Вечером, выслушав подробное объяснение Хэ Чжао, Цяо Си понял как Хэ Лан запутался в этом деле.

Он решительно сказал: «Этому ребенку, действительно, следует хорошенько поразмыслить».

Через несколько дней Сун Цзю, который не мог видеть Хэ Лана в школе, наконец не сдержался и умолял Цяо Си.

Затворничество наследного принца - дело не из приятных, поэтому это дело было скрыто в Пурпурном дворце и не получило распространения. Снаружи стало известно, что наследный принц простудился и пока нуждается в восстановлении.

Цяо Си знал, что Сун Цзю очень переживает за Хэ Лана, они росли вместе, и их дружба была настолько глубокой, что никто не мог с ней сравниться.

Поэтому Цяо Си пришлось рассказать Сун Цзю правду, и он отвел его в покои наследного принца, чтобы встретиться с ним.

Стоя перед дверью, Цяо Си наставлял Сун Цзю: «Указ Его Величества гласит, что кроме доставки еды, никому не разрешается входить в покои наследного принца, даже я не могу нарушить правила, ты просто пройди под окном, перекинься с ним парой слов и возвращайся».

Сун Цзю сжал кулаки и поклонился: «Большое спасибо, Ваше Высочество».

Цяо Си улыбнулся: «Чем старше становится ребенок, тем больше у него правил, в будущем, когда не будет посторонних, ты все равно сможешь называть меня дядей, как в детстве, не слишком отличайся».

Сун Цзю осенило, и он тут же сменил тон: «Большое спасибо, дядя Цяо!»

Сказав это, Сун Цзю торопливой трусцой добежал до окна, постучал по оконному стеклу и позвал.

Хэ Лан узнал голос Сун Цзю и открыл окно, чтобы выглянуть наружу.

Увидев, что это действительно Сун Цзю, Хэ Лан сбросил с себя омрачения последних дней и с радостной улыбкой сказал: «Мяо Мяо, почему ты здесь!?»

Сун Цзю обиженно посмотрел на него: «Я думал, что ты заболел, и пришел тебя навестить. Оказалось, кто бы мог подумать, что тебя посадили под домашний арест за твои проступки».

Хэ Лан заметил в его руке промасленный бумажный пакет и указал на него: «Что ты мне принес?».

Увидев его, Сун Цзю спрятал пакет за спину и с упреком сказал: «Это не для тебя, не обольщайся».

«Не верю», - уверенно сказал Хэ Лан: «Ты с таким трудом вошел во дворец, если не для того, чтобы принести его мне, зачем же ты держал его в руке до самого Пурпурного дворца, открой его и дай мне взглянуть».

Сун Цзю оставалось только поднять пакет и развернуть его, показывая ароматные персиковые коржики.

Увидев содержимое пакета, Хэ Лан не знал плакать или смеяться: «Разве это не твоя любимая еда? Мне это не нравится, ты принес мне или себе?»

Сун Цзю нахмурился и оскалился, он убрал обратно пакет и развернулся, делая вид, что уходит: «Ты будешь есть или нет?».

«Я съем, не сердись», - Хэ Лан протянул руку и схватил Сун Цзю за воротник: «Не уходи, я не прав, я вдруг так проголодался, дай мне поесть, господин Сун».

Сун Цзю не мог двинуться вперед, так как его дергали за воротник, он яростно закричал: «Отойди от меня! Я не хочу тебя больше видеть, я хочу домой».

Цяо Си стоял вдалеке под деревом гинкго во дворе, глядя на уморительную сцену, когда эти двое детей беззаботно болтали, и улыбался.

Ранней весной ветви дерева гинкго еще голые, но в некоторых незаметных местах уже тихонько вырисовывались нежные зеленые почки.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14649/1300717>